

Е.Д. Благодетелева

Глава 4.

ГРАЖДАНСКАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Российская империя второй половины XIX – начала XX в. переживала период динамичной социальной модернизации. Уходящие корнями в предшествующее столетие процессы эрозии сословных структур интенсифицировались благодаря ускоряющимся темпам урбанизации и профессионализации общества, подкрепленные тенденцией распада сословной парадигмы сознания. Формирование новых социальных групп в недрах разрушающегося строя представляло собой сложный процесс поиска иного типа социальных связей и средств самовыражения. Обретение новыми, прежде всего городскими, слоями собственного статуса и языка, выходящего за рамки существующего государственного или сословного дискурса, происходило в формирующейся публичной сфере, или сфере гражданского общества.

Интерактивные процессы, развивавшиеся между институтами гражданского общества (добровольными ассоциациями, прессой, профессиональными организациями) и теми социальными группами, «которые не соответствовали или не были удовлетворены традиционными правовыми, социальными или культурными категориями»¹, приводили к созданию новых категорий и формированию локальных, региональных и общероссийских сетей взаимодействия. Интериоризация

¹ *Kassow S., West J., Clowes E.* Introduction // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / E. Clowes, S. Kassow, J. West (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 6.

и репрезентация индивидами и группами своей новой категориальной и сетевой принадлежности происходила в форме специфической для империи гражданской идентичности².

Лежавшие в основе гражданской идентичности принципы эгалитаризма, культуры участия и ценностные установки на общественное благо, общественное служение в то же время являлись составными элементами идеологии профессионализма в том виде, в каком она сложилась не только в России, но и в европейских и американском обществах второй половины XIX – начале XX столетия. На базе этих принципов сформировались основные признаки идеального типа профессии: обладание абстрактным теоретическим знанием, самоуправление, альтруизм (этнос служения)³, впоследствии зафиксированные классической англо-американской социологией профессий.

Отказавшись вслед за неомарксистской и неовеберианской критикой от рассмотрения данных признаков в качестве объективных маркеров «истинной профессии», можно проследить, как в дискурсивных рамках профессионального проекта выполнялась работа классификации, идентификации и эксклюзии, ориентированная на создание группы и групповой идентичности. Изучение того, как критерии абстрактного теоретического знания, автономии и альтруизма использовались в профессиональном дискурсе и практике для распределения индивидов по категориям «профессионал», «полупрофессионал» и «непрофессионал», а также для формирования специфического самопонимания, основанного на неинструментальной (не связанной с экономическим интересом) «картине мира» и соответствующих моделях социальной активности, позволяет судить не только о специфике формирования групповой идентичности профессионалов, но и о типологической взаимосвязи профессиональной и гражданской идентичности.

² *Tilly Ch. Citizenship, Identity and Social History // Citizenship, Identity and Social History / Ch. Tilly (Ed.). Cambridge, 1996. P. 7.*

³ *Лукуша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А.Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 67.*

Наиболее перспективным, с точки зрения изучения генезиса гражданской идентичности в условиях Российской империи, представляется исследование профессиональной корпорации адвокатов или присяжных поверенных, сформировавшейся на основании критерия наличия абстрактного теоретического знания, обладавшей, хотя и не в полном объеме, корпоративной автономией, активно задействовавшей в дискурсивном пространстве профессионального проекта топос «общественного служения». Основным отличием адвокатуры от других профессионализирующихся слоев Российской империи являлась ее ранняя институционализация в рамках профессиональной корпорации в эпоху Великих реформ.

Возникновение присяжной адвокатуры в той форме, какую она обрела в статьях Судебных Уставов, безусловно, представляло собой реализацию принципов либеральной правовой идеологии, которой руководствовались авторы судебной реформы⁴. Делегирование части властного ресурса бюрократии общественным структурам как основная идея, легшая в основу корпоративного самоуправления присяжных поверенных, открывало перед адвокатской корпорацией беспрецедентные для империи перспективы институционализации независимой от традиционных (бюрократических, сословных, родовых) структур социoproфессиональной группы. Однако корпоративное самоуправление, являвшееся ядром профессиональной автономии, распространялось не на всю территорию империи, где были введены новые судебные установления, следовательно, процесс формирования профессиональной группы имел ярко выраженную локальную специфику. Более того, корпорация не обладала другим необходимым признаком профессиональной автономии — правом контроля над рынком предоставляемых услуг, то есть не могла произвольно максимизировать объем экономического вознаграждения, получаемого ее членами.

В этих условиях дальнейшее развитие корпорации представляло собой ряд последовательных попыток закрытия и консолидации группы на основании возведения институ-

⁴ *Levin-Stankevich B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / Ed. by H.D. Balzer. Armonk, NY, 1996. P. 236.*

циональных и символических границ. Результатом активного применения разнообразных эксклюзивных практик являлось формирование идентификации члена профессиональной корпорации, чьи действия были соотнесены с определенным этическим кодом, а квалификация и нравственность гарантирована социопрофессиональной группой. Особое звучание в профессиональном дискурсе адвокатуры темы нравственной ответственности профессионала перед обществом и клиентом обуславливалось спецификой развития правовой сферы в России, той траекторией, которой следовала эволюция базовых элементов судебной системы в дореформенный и постреформенный периоды.

Характерными чертами дореформенного судоустройства являлись сословность и многоступенчатость, предполагавшая исполнение высшими судами по отношению к низшим функций ревизионных и апелляционных инстанций. Судебный процесс основывался на системе формальных доказательств и имел три различные формы в зависимости от специфики разбираемого дела: «в случаях государственных и других тяжких преступлений применялся преимущественно розыскной процесс, при рассмотрении маловажных уголовных и гражданских дел — преимущественно состязательный процесс и в остальных случаях — смешанная форма процесса...»⁵. Окончательная отмена пытки в 1802 г. и телесных наказаний в 1863 г. способствовала сближению процедур, применяемых во всех формах процесса⁶.

Наличие в дореформенном судебном процессе элементов состязательности и возможностей апелляции при сохранении системы формальных доказательств, предполагавшей грамотное, с точки зрения действующего законодательства, составление судебных бумаг, стимулировало развитие практик судебного представительства. Правовое регулирование данного вида практик осуществлялось на основании положения, согласно которому ходатайствовать по чужим делам в общих

⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2-х т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 2. С. 52.

⁶ Там же. С. 54.

судебных установлениях могло любое правоспособное лицо. Исключение здесь составляли «малолетние, духовные особы, монахи, лица, состоящие под надзором, или лишенные по суду прав состояния, доброго имени, подвергшиеся по суду телесному наказанию», а также чиновники, если последние ходатайствовали в тех местах, где служили⁷. «Поверенный, действуя в суде вместо верителя» представлял «его лицо»⁸, то есть сам оставался лицом частным, чьи действия регулировались общегражданским законодательством. Специально оговаривалась лишь мера наказания за нарушение 195 ст. СЗ, перечислявшей те категории населения, которые не имели права представлять в судах.

В 1832 г. законодательная база, регулирующая судебное представительство, была дополнена законом «Об учреждении коммерческих судов, и уставе их судопроизводства»⁹, ставшим одной из первых попыток институционализации данного вида практик. К середине XIX в. на территории Российской империи существовало десять коммерческих судов, разбиравших торговые споры между купцами и между купцами и представителями других сословий; первый коммерческий суд был открыт в 1808 г. в Одессе, последний в 1853 г. – в Тифлисе¹⁰. При каждом коммерческом суде состоял штат присяжных стряпчих, принадлежность к которым оформлялась решением суда и принесением присяги (§ 24–26), а также фиксировалась в специальных списках (§ 22). Основанием для приема считались документы, свидетельствующие о наличии определенных юридических знаний и благопристойном поведении лица, желающего поступить в присяжные стряпчие (§23). Деятельность стряпчих ограничивалась юрисдикцией того коммерческого суда, к которому они были приписаны, но, кроме них, право на

⁷ Свод Законов Российской империи. Изд. 1857. Т. 10. Ч. 2: Законы о судопроизводстве и взыскания гражданских. Ст. 185, 195.

⁸ Там же. Ст. 191.

⁹ ПСЗ. Т.7. № 5360 (1832). Говоря о «первой попытке», автор не рассматривает институты правозащитничества и судебного представительства, существовавшие на территории Царства Польского, Остзейских и Прибалтийских губерний, анализ которых является предметом специального исследования.

¹⁰ *Миронов Б.Н.* Указ соч. Т. 2. С. 52.

ходатайство в этих судебных инстанциях имели представители купеческих гильдий и гражданские чиновники, в том числе так называемые губернские стряпчие (§28–29).

Очевидно, что к середине XIX столетия судебное представительство приобрело форму устойчивой практики, частично институционализированной в судебных разбирательствах, касающихся области торгового права. Однако ходатайствующие по чужим делам продолжали рассматриваться в качестве частных лиц, не обладающих общим набором специфических статусных черт, их деятельность не включала в себя систему специальных процедурных правил и регулятивных норм, а отношения между собой и с судебной администрацией зачастую принимали форму сети неформальных связей и взаимодействий. В основе этих локальных сетей неформальных связей лежали как механизмы кооперации, так и механизмы конкуренции. В литературе рубежа XIX–XX вв., посвященной становлению адвокатской профессии в России, был широко растиражирован пример подобной конкурентной сети, восходящий к воспоминаниям присяжного поверенного П.А. Потехина. Последний, описывая конкурировавших между собой на ниве стряпчества чиновников – секретаря гражданской палаты и столоначальника низшего суда – отмечал, что «достаточно было секретарю знать, что столоначальник ведет дело, чтобы оно провалилось в палате, и достаточно было столоначальнику узнать, что секретарь принимает участие в деле, чтобы оно было проиграно в суде»¹¹.

Таким образом, мы можем говорить о том, что к началу разработки реформы судебной системы и судопроизводства ни социальной группы, ни социально-правовой категории судебных представителей не сложилось (определенным исключением здесь является небольшая по численности категория присяжных стряпчих при коммерческих судах). Отсутствие в административном языке унифицированной категории, включающей лиц, занимающихся судебным представительством, нашло свое отражение в диаметрально противоположных суждениях, высказанных при разработке проекта судебной

¹¹ Потехин П.А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. С. 2213.

реформы — в записке кн. Д.А. Оболенского и ответе на нее С.И. Зарудного.

С точки зрения Д.А. Оболенского, «вопрос о том, может ли у нас в настоящее время существовать сословие адвокатов, разрешается... просто существующим фактом. Да, у нас есть уже и теперь сословие адвокатов, но сословие незаконное, вызванное к своему существованию силою вещей и необходимостью»¹². С.И. Зарудный, указывая на употребление своим оппонентом слова «адвокат» в слишком «обширном смысле», возражает: «...Для введения адвокатов необходимы *предварительные меры, допускающие возможность* (выделение в тексте: *Гессен И.В. История русской адвокатуры*) образования сего сословия»¹³.

«Предварительные меры», предлагаемые С.И. Зарудным, представляли собой институционализацию практик судебного представительства по модели, заложенной в законе «Об учреждении коммерческих судов» (1832). Однако дальнейший ход разработки судебной реформы показал недостаточность подобных мер¹⁴. Распространение состязательного процесса на все типы судопроизводств, замена канцелярской тайны и системы формальных доказательств гласным «судоговорением», дифференциация гражданских и уголовных дел предполагали возникновение наряду с судебным представительством новых практик судебного правозаступничества, отправлением которых, по мнению авторов Судебных Уставов, могло быть доверено только строго определенной категории лиц, чье отношение к судебным местам и друг к другу было бы нормативно опосредовано и подвержено формальному контролю.

Институционализация практик судебного представительства и правозаступничества, а также оформление социально-правовой категории судебных представителей и правозаступников, объединенных под общим названием

¹² Цит. по: *Гессен И.В. История русской адвокатуры*. Т. 1: Адвокатура, общество и государство. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1914. С. 38–39.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ *Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России: Сущность и социально-правовой аспект формирования*. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. С. 132–133.

присяжных поверенных¹⁵, были осуществлены «Учреждением судебных установлений» Судебных Уставов 1864 г., разделом «О лицах, состоящих при судебных местах», главой «О присяжных поверенных»¹⁶. Согласно данному документу, вводимый институт присяжных поверенных представлял собой независимую от государства профессиональную корпорацию, включенную в систему судопроизводства на основании права и обязанности ведения уголовных и гражданских дел во всех судебных инстанциях империи¹⁷. Документом законодательно закреплялись принципы формирования персонального состава адвокатуры¹⁸, права и обязанности присяжных поверенных¹⁹, а также правовые основания профессиональной самоорганизации и самоуправления, органами которого выступали общее собрание присяжных поверенных округа судебный палаты и избираемый ими совет, обладающий функциями административной и дисциплинарной власти²⁰.

Несомненно, одной из центральных идей положения о присяжных поверенных являлось конституирование адвокатской деятельности как альтернативы государственной службе. Об этом недвусмысленно свидетельствует прямой запрет поступать в присяжные поверенные лицам, «состоящим на службе от правительства, или по выборам» (ст. 355), а также текст комментария к 406 ст.: «При составлении этой статьи предполагалось установить правило о праве поверенных, при переходе их из сего звания в государственную службу на производство в чины... Но как присяжные поверенные не

¹⁵ Термин «присяжные поверенные» предложен графом Д.Н. Блудовым с целью отмежеваться от европейского опыта существования адвокатской корпорации. Об этом: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Учреждение судебных установлений // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны: Официальное издание Государственной канцелярии. СПб., 1867. 2-е изд. Ст. 353–406.

¹⁷ Там же. Ст. 353.

¹⁸ Там же. Ст. 354.

¹⁹ Там же. Ст. 383–406.

²⁰ Там же. Ст. 357–378. Далее ссылки на статьи уставов даются в тексте в круглых скобках, ссылки на примечания к статьям и на «Рассуждения», а также ссылки на другие издания Судебных Уставов — в постраничных сносках.

могут считаться состоящими на действительной службе, то не может быть и речи о праве их на производство в чины, предоставляемые только лицам, состоящим на государственной службе»²¹. Тот факт, что присяжным поверенным было отказано в праве на производство в чин, представляется весьма значимым, поскольку система чинопроизводства служила одним из основных принципов социальной организации имперской бюрократии. Исключение из этой системы предполагало эмансипацию адвокатской корпорации не только на институциональном, но и на социальном уровне: юристы, занятые адвокатской практикой, и юристы, включенные в бюрократическую систему, уже не могли быть объединены в одну социальную категорию и тем более не могли сформировать одну социальную группу.

Допуская образование независимой адвокатской профессии, ориентированной на удовлетворение спроса частных лиц на юридические услуги (ст. 353)²², государство отказывалось от своей роли единственного работодателя в области юриспруденции²³. Уход с монопольных позиций на рынке интеллектуальных услуг, однако, не означал полного отказа от государственного регулирования становящегося «мира профессий», которое в институциональных условиях Российской империи приобретало форму кретенциализма²⁴. Явным выражением кретенциальной идеологии явилась статья Судебных

²¹ Там же. Ст. 406. Примечание.

²² «Присяжные поверенные состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению...» — Учреждение судебных установлений. Ст. 353.

²³ *Balzer H.D.* Introduction // *Russia's Missing Middle Class*. P. 13.

²⁴ Кретенциализм — распределение людей по социальным позициям, особенно по местам занятости, на основе свидетельств о квалификации // *Джерри Д., Джерри Дж.* Большой толковый социологический словарь. — Т.1. — М., 2001. Российский вариант кретенциализма не является специфичным и, в общем, характерен для континентальной модели профессионализации, тесно связанной с университетской системой и бюрократией. О месте кретенциализма в континентальной модели профессионализации см.: *Абрамов Р.Н.* Толкотт Парсонс о профессиях и профессионализме // Социологический форум, 2001, № 1—4, Зима—Осень / Internet: club.fom.ru/books/doc2307071331.pdf [Посещение: 26.10.2011]

Уставов, посвященная «положительным» условиям приема в адвокатскую корпорацию (ст. 354): поступающий в присяжные поверенные должен был обладать дипломом университета или другого высшего учебного заведения²⁵ об окончании курса юридических наук или о сдаче соответствующего экзамена, а также не менее пяти лет состоять на службе по судебному ведомству или в качестве кандидата на должности при судебных местах. Таким образом, креденциальный и социальный ресурс, накопленный в процессе образования и прохождения стажа в рамках бюрократической системы, по мнению авторов судебной реформы, могли быть конвертированы в профессиональный статус в сфере частноправовых отношений. При этом конвертируемость социальных ресурсов при переходе из государственной службы в адвокатуру как свободную профессию имела односторонний характер, о чем свидетельствует рассмотренное выше положение об исключении срока деятельности в качестве присяжного поверенного из стажа, необходимого для чинопроизводства.

Прохождение пятилетней практической подготовки для поступления в присяжные поверенные допускалось и в рамках профессиональной корпорации посредством занятий судебной практикой в качестве помощника присяжного поверенного (ст. 354). В самих Судебных Уставах упоминания о помощниках исчерпываются этим положением, а в «Рассуждениях», дополняющих основной текст в издании 1867 г., данная категория характеризуется как лица, «которые, кончив курсы юридических наук, но нигде не служивши», могли бы, тем не менее, «иметь сведения и в судебной практике»²⁶. Помощникам, однако, не предоставлялось право самостоятельно приобретать необходимые практические сведения, т. е. самим ходатайствовать по чужим делам. Их деятельность, предположительно, должна была ограничиваться секретарскими функциями при патронах. Введение в текст Судебных Уставов данной полупрофессиональной категории без каких-либо дальнейших разъяснений ее объема и соотношения с

²⁵ Александровское Училище Правоведения, Демидовский Юридический Лицей, Нежинское Училище кн. Безбородко.

²⁶ Учреждение судебных установлений. Ст. 354. Прим.

категорией присяжных поверенных имело противоречивые последствия для становления профессии. С одной стороны, у адвокатской корпорации появилась возможность создать внутренний, независимый от бюрократии, механизм воспроизводства группы. С другой, отсутствие правовой нормы, регулирующей прием в помощники и их деятельность, провоцировало возникновение на границах группы специфической «переходной зоны», статус которой оставался неопределенным до конца имперского периода.

Прием в профессиональную организацию на основании критериев теоретического знания и практического стажа должен был осуществляться органами корпоративного самоуправления – советами, ежегодно избираемыми на общих собраниях присяжных поверенных (ст. 364). Передавая в ведение корпорации вопрос о приеме и исключении, правительство, тем не менее, оставляло за судебными местами (судебными палатами и окружными судами) административную функцию «приписки к сословию присяжных поверенных» и приведение последних к присяге (ст. 381). Судебные палаты также выступали по отношению к органам корпоративного самоуправления в качестве апелляционных инстанций: туда могли быть приносимы жалобы и протесты прокуроров на все постановления советов, кроме таких дисциплинарных взысканий, как предостережение или выговор (ст. 376). Определения палат не подлежали дальнейшей апелляции (ст. 377), однако могли кассироваться в Правительствующем Сенате²⁷.

Передача корпоративным органам функции контроля над «входом» и «выходом» из профессиональной группы сопровождалась весьма любопытной рекомендацией, зафиксированной в «Рассуждениях» со ссылкой на журнал Государственного совета (Журн. 1864 г. № 48, с. 5): «При рассмотрении чьей либо просьбы о принятии в присяжные поверенные, совет должен, не только рассматривать представленные этим лицом письменные доказательства прав его на принятие в сие сословие [университетский диплом и аттестат о службе]...

²⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 119.

но сверх того собирать и необходимые о нравственных качествах его сведения»²⁸. Собранные сведения, если они могли быть расценены советом как неблагоприятные, признавались достаточным основанием для немотивированного отказа в приеме (ст. 380). При этом отказ по причине неблагоприятных сведений не мог быть обжалован в апелляционном порядке, поскольку «совету присяжных [поверенных] должны быть ближе и вернее известны нравственные качества человека, которого он не хочет принять, и высшее место... не должно предписывать принять в сословие присяжных человека, нравственная ответственность за которого будет падать на все сословие»²⁹. Таким образом, критерии знания и стажа дополнялись неформальным этическим критерием, отражающим как общепринятые моральные конвенции, так и субъективные представления руководящих членов профессиональной корпорации о нравственном поведении индивида в публичной сфере. Законодательное закрепление идеи о необходимости оценки моральных качеств субъекта, желающего поступить в адвокатуру, явилось развитием той системы аргументации, которой было подкреплено введение формальных условий приема, призванных, по мнению разработчиков Судебных Уставов, не только гарантировать знания и опытность кандидата, но и служить ручательством его «нравственности... и честности убеждений»³⁰.

Кроме законодательно создаваемых ограничений в доступе к адвокатским занятиям, задачам обеспечения «нравственности» вновь образующегося «сословия» должен был служить специальный «надзор, который, не лишая их [присяжных поверенных] необходимой для защиты их доверителей самостоятельности, вместе с тем, с одной стороны, представил бы скорое и действительное ограждение частного лица от их стеснения, а с другой — служил бы средством к водворению и поддержанию между поверенными чувства нравственной ответственности перед правительством и обществом»³¹. Функ-

²⁸ Учреждение судебных установлений. Ст. 367. Прим.

²⁹ Там же. Ст. 357. Прим.

³⁰ Там же. Ст. 354. Прим.

³¹ Там же.

ция «надзора» также препоручалась органам корпоративного самоуправления (ст. 357), которые с этой целью были наделены весьма широкими дисциплинарными полномочиями. Рассматривая жалобы на действия присяжных поверенных и наблюдая «за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей, сообразно с пользою их доверителей» (ст. 367), советы имели право налагать на членов корпорации следующие дисциплинарные взыскания: предостережение, выговор, запрещение отправлять обязанности поверенного в продолжение определенного срока (не более года), исключение из присяжных поверенных, предание уголовному суду (ст. 368). Наложение взыскания не имело срока давности и могло вступать в силу через весьма длительный промежуток времени, например, при повторном зачислении в сословие³². Исключение из числа присяжных поверенных навсегда преграждало путь к повторному поступлению в корпорацию (ст. 355, § 8), а следовательно, лишало права на профессиональную деятельность в качестве судебного представителя и правозаступника.

Таким образом, та административная (прием в сословие) и дисциплинарная власть, которой Судебные Уставы наделяли советы, представляла собой выражение идеи о необходимости контроля не только над формальной стороной адвокатской практики, ее соответствием текущему состоянию правовой науки и законодательной базы, но и над этическим измерением действий присяжных поверенных. Столь пристальное внимание разработчиков судебной реформы к моральному аспекту отправления функций правозаступничества и судебного представительства, по мнению дореволюционных исследователей, обуславливалось несоответствием задач института адвокатуры, понимаемых в свете универсальной концепции прав человека, уровню развития частного и, в большей степени,

³² ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 20. Л. 64. Подтверждено решением Правительствующего Сената 1893 г. № 42 // Полный свод решений общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената: за 1886-1896 гг. / Сост. Л.М. Ротенберг. Издание неофициальное. Екатеринбург: Тип. М.С. Копылова, 1909. С. 570.

публичного права империи³³. На наш взгляд, причина явного акцента на этической стороне вопроса кроется в специфике правовой культуры реформаторов, в различных пропорциях сочетавшей в себе как элементы западной правовой идеологии, так и традиционное, закрепленное на культурном уровне, недоверие к формальному праву как институту социального регулирования³⁴.

Возможность использования профессиональными адвокатами формальных правовых норм во вред интересам частных лиц или, что еще более важно, интересам правительства ставила эту категорию юристов в глазах имперской бюрократии в особые, по сравнению с другими профессионализирующимися слоями, условия. Эти условия, с одной стороны, требовали наличия наделенной достаточно широкими полномочиями внутрикорпоративной инстанции, репрезентирующей профессиональную группу в публичном пространстве — перед лицом «правительства и общества» — и отвечающей за нравственный уровень каждого отдельного члена корпорации. С другой, они не позволяли однозначно и положительно решить один из главных вопросов, возникающих в процессе становления профессии: вопрос о монопольном контроле над сферой предоставляемых услуг. Установление монополии откладывалось Судебными Уставами на неопределенный срок и ставилось в зависимость не только от достаточного количества присяжных поверенных в том или ином судебном округе, но и от решения министерства юстиции, утвержденного высочайшей волей (ст. 387–388).

Таким образом, получив право контроля над «входом» и «выходом» из профессии и внутрикорпоративную дисциплинарную власть, профессиональная группа, однако, была лишена возможности самостоятельно регулировать предложение на рынке интеллектуальных правовых услуг и не обладала внутренним механизмом воспроизводства профессии (законо-

³³ Гессен И.В. Указ. соч. С. 140; Винавер М.М. Адвокатура и правовое государство. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1905. С. 19.

³⁴ Живов В.М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Изд. «Языки славянской культуры», 2002. С. 256.

дательно оформленным институтом помощников). В области профессионального дискурса, призванного легитимировать положение профессионала-эксперта в обществе, единственным ориентиром для формирующейся корпорации служила та система аргументации, которая была создана разработчиками Судебных Уставов и построена вокруг этического императива служения.

Амбивалентное наследие эпохи Великих реформ во многом предопределило траекторию развития профессионального сообщества адвокатов, специфику методов самоорганизации и позиционирования группы на уровне внешних социальных связей. Основным вектором этого развития являлась работа по созданию в рамках профессионального дискурса нового типа самоидентификации, которая бы позволяла индивидам, разделявшим такой категориальный атрибут, как звание присяжного поверенного, осознать и артикулировать общность своего социального положения и интересов³⁵. Создание разделяемого всей группой самопонимания или групповой идентичности, с одной стороны, основывалось и поддерживалось институциональными и символическими границами, возводимыми между представителями корпорации и значимыми «Другими», с другой — было тесно связано с формированием профессионального проекта адвокатуры, ориентированного на восходящую социальную мобильность группы.

Установление и артикуляция общности посредством институциональных и символических практик исключения являлось основным инструментом создания самоидентификации профессионального адвоката в условиях отсутствия монополии на рынке труда³⁶. Суть эксклюзивных практик, применяемых корпорацией, заключалась как в закрытии доступа к профессии определенным категориям лиц, так и в конструировании этих категорий, противостоящих в качестве символических «Других» базовой категории «присяжный поверенный». Не только регулируя возможность тех или иных социальных элементов войти в состав корпорации, но и

³⁵ Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами идентичности // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 78.

³⁶ Balzer H.D. *Op. cit.* P. 15.

определяя на категориальном уровне черты, соответствующие и не соответствующие профессиональному облику адвоката, органы корпоративного самоуправления создавали идеальный образ, с которым следовало себя идентифицировать рядовым членам сословия и который должен был репрезентировать профессию перед общественным мнением и бюрократией.

Несмотря на ключевую роль органов самоуправления в конструировании символической границ и создании на их основе нового типа идентификации, эти процессы представляли собой результат разнонаправленных, зачастую конфликтных индивидуальных и групповых стратегий, реализуемых судебными инстанциями, советами, группами интересов внутри сословия и отдельными его представителями. Проследить эти стратегии возможно на основании внутрикorporативной документации (отчетов советов и протоколов общих собраний поверенных³⁷) и постановлений апелляционных (судебные палаты) и кассационных (Правительствующий Сенат) инстанций, где мотивированно излагаются основания приема, отказа в приеме или исключения из сословия. Также значительный объем информации относительно конструирования границ группы посредством символической системы значимых «Других» содержится в публицистических произведениях, принадлежащих как самим присяжным поверенным, так и их оппонентам.

Разработанная в рамках профессионального дискурса символическая система значимых «Других» наиболее полно отразила разнообразие эксклюзивных практик, не всегда успешно реализуемых вне дискурсивного пространства. Данная система разворачивалась как в диахронном, так и в синхронном измерении. В свою очередь, в синхронном срезе различались внешние по отношению к корпорации (частные поверенные, присяжные стряпчие, «подпольная» адвокатура) и внутренние (помощники присяжных поверенных) «Другие». Для начального периода существования адвокатуры

³⁷ Поскольку Высочайшим повелением 5 декабря 1874 г. организация органов сословного самоуправления адвокатуры была приостановлена вплоть до начала XX в., в статье рассматриваются делопроизводственные материалы лишь трех, открытых до 1874 г., советов: Санкт-Петербургского, Московского и Харьковского.

(1866—1874)³⁸ характерно преимущественное внимание к установлению символических границ в диахронной перспективе. Базовой дихотомией для разграничения «своих» и «чужих» в этом случае является противопоставление присяжного поверенного и дореформенного ходатая, сопровождаемое радикальными утверждениями об отсутствии преемственности между практиками судебного представительства до и после реформы 1864 г., а также крайне негативными характеристиками предшественников.

«Мы народились не из них [дореформенных ходатаев], мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди, ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем, чем и можем гордиться», — пишет в своих воспоминаниях одна из центральных фигур Санкт-Петербургской корпорации П.А. Потехин³⁹. Ту же мысль проводит в торжественной речи на обеде в честь К.К. Арсеньева другой корифей петербургской адвокатуры В.Д. Спасович: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в первичное самозарождение организма (*spontanea generatio*). У нас именно имеется пример такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы пошли не *ex ovo*, мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»⁴⁰. Оба высказывания, несмотря на различные интенции говорящих, — речь Спасовича, произнесенная в 1875 г., была ориентирована на мобилизацию и сплочение слушающей аудитории, в то время как воспоминания Потехина, опубликованные лишь в 1901 г., выполняли функцию ретроспективной легитимации сложившегося порядка, — заключают в себе устойчивый образ разрыва преемственности и творения *ex nihilo*.

³⁸ Хронологические рамки периода обусловлены тем, что в 1866 г. новые Судебные Уставы вступили в силу в Санкт-Петербургском и Московском округе, после чего последовало образование двух первых региональных корпораций адвокатуры в Санкт-Петербурге и Москве; в 1874 г. был принят закон, регулирующий практики судебного представительства и правозащитничества вне присяжной адвокатуры и конституирующий на правовом уровне полупрофессиональную категорию частных поверенных.

³⁹ Потехин П.А. Указ. соч. С. 2213.

⁴⁰ Спасович В.Д. Речи. Лейпциг, 1903. С. 86.

Конструирование символической границы между индивидами, осуществлявшими практики судебного представительства до реформы, и формирующейся профессиональной группой посредством мифологемы «творения из ничего» сопровождалось постоянной актуализацией и тиражированием негативного образа дореформенных ходатаев. Особой популярностью в этом отношении пользовалась броская формулировка, данная еще в 1860 г. будущим присяжным поверенным А.В. Лохвицким: «Поверенные, для которых стряпческое занятие составляет профессию[,] у нас двух родов. Одни прямые наследники подьячих старого времени, — они берут по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы, по пяти и десяти целковых за фальшивый паспорт; есть у них и такса за фальшивое свидетельство, за фальшивую подпись и проч. <...> Есть и другой род частных поверенных — аристократический. Эти люди с приличными манерами, хорошо одевающиеся, берущие за составление бумаги по несколько сот рублей, — они бывают большею частью из кончивших курс в высших учебных заведениях. ...Есть лица, пользующиеся громкой известностью, нажившие себе большое состояние, и самый невинный недостаток которых состоит в том, что они в одно и то же время пишут бумаги и истцу и ответчику и, конечно, с обоих берут деньги»⁴¹. Классифицируя и типологизируя дореформенных ходатаев, Лохвицкий тем не менее объединял их в одну категорию по признаку неэтичности их деятельности, в некоторых случаях граничащей с преступлением закона. Такое «подведение под общий знаменатель» регионально и социально специфичных практик судебного представительства обуславливалось тем, что только обобщенный образ ходатая мог стать функциональным элементом дихотомии, на одном полюсе которой располагалось новое сословие присяжных поверенных, а на другом — дореформенное «крапивное семя».

Задачи, которые были призваны решать дихотомия «дореформенный ходатай — присяжный поверенный» и мифологема «разрыва» преемственности практик, осуществляемых этими двумя категориями, обуславливались спецификой по-

⁴¹ Лохвицкий А.В. Русское слово. 1860. Февраль. Цит. по: Гессен И.В. Указ. соч. С. 10–11.

реформенного положения социо-профессиональной группы. Фактически наследуя у дореформенных ходатаев функцию судебного представительства, адвокатская корпорация не была гарантирована от притока кадров, обладающих опытом хождения по делам в прежних судебных установлениях, как это изначально предполагалось составителями Судебных Уставов. Дело в том, что для быстрого формирования корпуса юристов, способных и готовых к осуществлению правозащитной деятельности в обновленных судах, в правилах приема был сделан ряд временных послаблений. С 1865 по 1871 гг. в сословие допускались лица, 1) «кончившие курс юридических наук в высших учебных заведениях, если они прослужили четыре года по судебному ведомству или же занимались не менее пяти лет ведением дел в судебных местах в качестве поверенных»; 2) «лица, кончившие курс наук в высших учебных заведениях, хотя и не по юридическому факультету, или же не получившие воспитания в высших учебных заведениях, если они прослужили по судебному ведомству не менее пяти лет и в течение этого времени занимали не менее года должность секретаря Сената, или такие должности не ниже VII класса, на коих могли приобрести практические сведения в производстве и решении судебных дел»⁴².

Как утверждают авторы ряда исторических обзоров, доля лиц, не имевших высшего образования, была весьма незначительна по сравнению с общим количеством присяжных поверенных, принятых в сословие по облегченным правилам, например, для Москвы этот процент не превышал 7%⁴³. По свидетельству К.К. Арсеньева, Санкт-Петербургским советом также, в основном, использовался первый пункт 44-й статьи «Положения», сокращавший необходимый для поступления минимальный стаж государственной службы или допускав-

⁴² Положение о введении в действие судебных уставов, Высочайше утвержденное 19 октября 1865 г. 44 ст. («Временные правила»). Цит. по: Макалинский П.В. С.-Петербургская присяжная адвокатура. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1889. С. 2–3.

⁴³ Тагер П.С. Административная деятельность советов // История русской адвокатуры. Т. 2: Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1916. С. 188.

ший зачет в стаж практику в качестве частного ходатая⁴⁴. Таким образом, в первые годы своего существования корпорация фактически была открыта для входа лиц, осуществлявших практики судебного представительства до реформы, что в контексте публичной дискуссии об адвокатуре времен разработки Судебных Уставов создавало значительные трудности для последующей легитимации и создания позитивного образа новой профессии.

Кроме того, отсутствие монополии на рынке предоставляемых услуг ставило присяжных поверенных в жесткие условия конкуренции с лицами, осуществляющими ходатайство по делам на основании не отмененных Судебными Уставами статей Свода законов 1857 г. Вопрос об установлении комплекта, т. е., по сути, введения профессиональной монополии, дважды ставился санкт-петербургским советом присяжных поверенных в 1866 и 1868 гг., оба раза был поддержан судебной палатой, но оставлен без разрешения министерством юстиции⁴⁵. Таким образом, в ситуации, когда установленные Судебными Уставами институциональные границы были в значительной степени проницаемы, а хождение по делам не являлось монопольным правом профессиональной корпорации, выстраивание символической границы в диахронной перспективе проецировалось на актуальное состояние судебной системы и служило инструментом борьбы, направленной на завоевание рынка и повышение престижа профессии.

Поворотным моментом в урегулировании практик судебного представительства вне адвокатского сословия стало издание закона 25 мая 1874 г. о частных поверенных, предоставившего право хождения по чужим делам в общих и мировых судебных установлениях не только присяжным поверенным или родственникам тяжущихся⁴⁶, но любому правоспособному лицу, получившему специальное свидетельство от определен-

⁴⁴ *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре: Обзор деятельности санкт-петербургского совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. Ч. 2. С. 3.

⁴⁵ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 42–44.

⁴⁶ Учреждение Судебных Установлений. Ст. 389.

ного судебного учреждения (мирового съезда, окружного суда, судебной палаты)⁴⁷. Частным поверенным, согласно новому закону, мог стать человек, не имеющий университетского диплома, но прошедший испытание в судебном месте, от которого он получал свидетельство (§7), а также внесший в казну специальный денежный сбор: 40 рублей в год за свидетельство, полученное от мирового съезда, и 75 рублей — за свидетельство окружного суда или судебной палаты (§10). Свидетельство имело силу только в рамках юрисдикции того судебного установления, которым было выдано, однако число свидетельств, полученных одним лицом от разных судебных мест, законом не ограничивалось.

Таким образом, законом 1874 г. наряду с присяжными поверенными конституировалась вторая — полупрофессиональная — категория «частных поверенных», представителей которой объединяло занятие практикой судебного представительства и правозаступничества, отсутствие корпоративных институтов самоуправления и прямое подчинение органам юстиции (судебным палатам, окружным судам и мировым съездам). Впоследствии в процессе кассационной деятельности Правительствующего Сената эти социально-правовые категории обретали все более эквивалентный статус, о чем свидетельствуют как неоднократные решения, призванные подчеркнуть тот факт, что судебные установления обладают такой же властью в отношении частных ходатаев, что и органы корпоративного самоуправления — в отношении присяжных поверенных (решение по делу Рихтера 1876 г., № 11, по делу Авксентьева 1881 г., № 53, решение 1885 г. № 14)⁴⁸, так и регулирование механизма апелляций, приносимых на постановления советов на основе закона о частных поверенных (дело Фектушева 1879 г., № 14, дело Бернера 1885 г., № 13–14: отказ в приеме в присяжные поверенные и их помощники не подлежит опро-

⁴⁷ Правила о частных поверенных // ПСЗ. Т. XLIX. № 53573 (25.05.1874).

⁴⁸ Сборник решений общего собрания кассационных и первого с кассационными департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (с 1866—1896 г.) / Сост.-ред. члена Санкт-петербургской судебной палаты А.К. Гаугер. Издание неофициальное. СПб.: Изд. юр. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1905.

тестованию в судебных палатах, так же, как и решения судов относительно приема в частные поверенные)⁴⁹.

Реакция на подобное урегулирование вопроса, последовавшая со стороны профессиональной адвокатуры, представляла собой развитие и переориентацию той дискурсивной системы, которая была направлена на конструирование диахронной символической границы. Образ частных поверенных в профессиональном дискурсе начал выстраиваться по аналогии и в качестве преемственного образу дореформенных ходатаев. Прежде всего, утверждалась прямая социальная преемственность: «Из кого состоит за немногим исключением частная адвокатура? К дореформенным дельцам, получившим на это занятие по закону 25 мая 1874 года официальный патент, присоединялись во множестве отставные военные и судебные пристава после разных неприятностей на службе, ремесленники и проторговавшиеся купцы, напрактиковавшиеся в ведении своих собственных дел...»⁵⁰. Кроме того, частный поверенный наделялся теми же базовыми характеристиками, что и дореформенный ходатай: отсутствием профессионального образования и нравственных принципов в области своей непосредственной деятельности: «Неразвитый и невежественный, не имеющий никакого понятия о нравственных принципах, без всякой солидарности даже со своими ближайшими товарищами, частный поверенный решительно невыносим, как противник, потому, что для него все средства хороши...»⁵¹.

Таким образом, образовательный и морально-нравственный факторы разграничения профессиональной группы и полупрофессиональных слоев оставались значимыми элементами конструирования символических границ и в синхронном срезе дискурсивного пространства. Однако основной акцент при выстраивании дихотомии «присяжный — частный по-

⁴⁹ Полный свод решений общего собрания первого и кассационных департаментов и кассационных департаментов Правительствующего Сената: за 1878—1885 г. / Сост. Л.М. Ротенберг. Издание неофициальное. Екатеринбург: Тип. М.С. Копылова, 1909.

⁵⁰ *Грацианский Н.И.* Безурядица в адвокатуре // Юридическая летопись. 1890. № 7. С. 91.

⁵¹ *Вильский Н.Н.* Деморализуется ли наша адвокатура // Журнал гражданского и уголовного права. 1891. Кн. 1. С. 73.

веренный» был перенесен с описательного на категориальный уровень анализа: низкий нравственный уровень частной адвокатуры по сравнению с присяжной, объяснялся с точки зрения качественного различия данных социальных категорий. Наиболее последовательно этот взгляд был проведен в труде К.К. Арсеньева, вышедшем через год после закона о частных поверенных. По утверждению этого видного представителя Санкт-Петербургской адвокатуры, «корпорация, сплоченная тройною связью обычаев и преданий, самоуправления и нравственной солидарности, обладает такою внутреннею силой, которая недоступна для частных ходатаев, не имеющих, кроме однородности занятий, ничего общего друг с другом. <...> Словие присяжных поверенных имеет такое же преимущество перед *совокупностью* частных ходатаев, как органическое целое перед отдельными частицами, ничем не соединенными между собою (курсив — автора)»⁵². Очевидно, что в работе Арсеньева присяжная адвокатура, рассматриваемая в качестве сообщества, основанного на разделяемой всеми его членами традиции и внутренней солидарности, противопоставляется механической «совокупности» частных поверенных, т. е. фактически частная адвокатура лишается статуса социальной группы. Данная позиция во многом наследовала взглядам составителей Судебных Уставов на дореформенных ходатаев как не связанных друг с другом частных лиц и на профессиональную корпорацию как инструмент консолидации группы, гарантирующий ее морально-нравственный уровень.

Разнонаправленные тенденции уравнивания статуса социально-правовых категорий «присяжный» и «частный поверенный» в решениях Правительствующего Сената, представлявших собой подзаконные акты, и активное символическое отмежевание адвокатской корпорации от своих полупрофессиональных «коллег» в середине 1880-х гг. привело к институциональной коллизии, имевшей значительное влияние на дальнейшее развитие профессии. В 1884 г. решением Правительствующего Сената по делу И. Чирихина (1884, № 7), являвшегося частным ходатаем в округе Казанской судебной палаты, было постановлено, что практика в качестве частного

⁵² Арсеньев К.К. Указ. соч. Ч. 1. С. 11.

поверенного может быть засчитана в стаж, необходимый для поступления в присяжные поверенные⁵³. Данное постановление игнорировало право адвокатской корпорации на контроль «входа» в профессию и ставило под удар хрупкие и все еще не устоявшиеся внутренние механизмы воспроизводства группы, прежде всего институт помощников. В качестве мотивировки принятого решения были выдвинуты аргументы о том, что согласно «точному смыслу и разуму закона 1864 г.» непременным условием для поступления в адвокатуру является не наличие стажа в качестве помощника присяжного поверенного, а занятие практикой в качестве поверенных не менее пяти лет. Более того положение частных ходатаев, подконтрольных судебным местам, не отличается от положения помощников, лишь опосредованно подчиненных советам⁵⁴.

На основании сенатского постановления по делу Чирихина в Харьковский совет присяжных поверенных в 1886–1887 гг. были поданы два прошения от частных поверенных, желающих поступить в корпорацию. Определения совета, вынесенные на основании этих прошений, в обоих случаях были отрицательными, на уровне же аргументационных стратегий задействовали весь арсенал символических средств, который был выработан с момента введения в силу закона 25 мая 1874 г. Формальным поводом для отказа служил тот факт, что Чирихин состоял частным поверенным в Казанском округе, где присяжная адвокатура не представлена органами корпоративного самоуправления и наравне с частными ходатаями подчинена судебным местам⁵⁵. Следовательно, постановление Правительствующего Сената, если распространять его на практику других судебных округов, имеет силу лишь в тех областях, где не введено корпоративное самоуправление адвокатуры⁵⁶.

⁵³ Полный свод решений... за 1878–1885 гг. С. 658–659.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887. Харьков, 1887. С. 7.

⁵⁶ Корпоративное самоуправление с 1866 по 1874 г. было введено лишь в трех судебных округах: Санкт-Петербургском, Московском и Харьковском.

«Идеологическое» обоснование отказа было более развернутым и отталкивалось, прежде всего, от истолкования интенций составителей Судебных Уставов, намеревавшихся, по мнению Харьковского совета, «дать обществу не толпу практически опытных юристов, не соединенных между собой никакой нравственной связью, а организованное сословие, которое бы «представляло собой самое верное ручательство нравственности, знаний и честности убеждений». Соответственно и практическая подготовка к поступлению в сословие должна проходить «под постоянным воздействием корпоративного духа в среде или магистратуры и прокуратуры, или присяжной адвокатуры»⁵⁷. «Самостоятельное занятие адвокатурой вне связи с людьми той же профессии» и последующий прием таких лиц в корпорацию упразднили бы «нравственную связь сословия с его будущими членами, и оно пополнялось бы элементами, чуждыми того направления, которое вырабатывается в сословии в соответствии с теми нравственными задачами, для каких оно создано в судебных уставах 20 ноября 1864 года»⁵⁸. Аргументация Харьковского совета, таким образом, опиралась на разрабатываемую с момента публикации К.К. Арсеньевым «Заметок о русской адвокатуре» символическую оппозицию присяжной адвокатуры как скрепленной этической связью профессиональной группы и совокупности («толпы») частных поверенных.

Решение Харьковского совета в обоих случаях было поддержано судебной палатой⁵⁹, что послужило созданию прецедента, закрепившего на институциональном уровне границу, проводимую представителями корпорации в дискурсивном пространстве профессионального проекта. Однако вопрос о допуске в сословие частных ходатаев актуализировал существовавшую с момента ведения новых Судебных Уставов проблему механизмов воспроизводства профессиональной группы

⁵⁷ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887. С. 9.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Харьковской судебной палаты за 1886–1887. С. 3–4.

и, прежде всего, спорный вопрос о положении и статусе помощников присяжных поверенных⁶⁰. Данный вопрос, с точки зрения самоорганизации сословия присяжных поверенных, был наиболее болезненным, поскольку в этом случае корпорация не выступала в качестве единого, взаимодействующего с внешним социальным окружением, актора, но раскалывалась изнутри на противостоящие друг другу группы интересов.

Проблема институционализации помощничества имела два тесно связанные друг с другом аспекта: с одной стороны — помощничество как форма прохождения стажа предполагало организацию «профессионально-педагогических институтов», объединенных понятием патроната⁶¹, с другой — обозначало категорию лиц, занимающих промежуточное положение на границах профессиональной корпорации. Предпочтение той или иной формы организации патроната обуславливалось определенным представлением о социальной категории помощников как совокупности частных лиц, части профессиональной корпорации или независимой полупрофессиональной организации с собственными представительными органами. За каждым из перечисленных представлений на определенном этапе развития сословия стояла конкретная группа интересов, утверждавшая собственную концепцию института помощничества с помощью доступных ей институциональных и символических средств.

Изначально доминирующей формой организации профессионального стажа являлся личный патронат, основанный на положении Судебных Уставов о том, что для поступления в присяжные поверенные необходима либо пятилетняя служба по судебному ведомству, либо занятия судебной практикой «под руководством присяжного поверенного в качестве его помощника» (ст. 353). Система личного патроната предоставляла присяжным поверенным самостоятельное право принимать в помощники тех или иных лиц, оставляя, однако, за органами

⁶⁰ Макалинский. П.В. Указ. соч. С. 96; Гессен И.В. Указ. соч. С. 289.

⁶¹ Чарыхов Х.М. Помощники присяжных поверенных. Их организация // История русской адвокатуры. Т. 3: Сословная организация адвокатуры. 1864–1914. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1916. С. 168.

корпоративного самоуправления формальное зачисление в стажеры, ограничивала сферу деятельности помощников секретарскими обязанностями при патронах и не предполагала унифицированной формы отчетности. В условиях отсутствия профессиональной монополии помощники имели вполне легальную возможность самостоятельно заниматься адвокатской практикой, не консультируясь со своими патронами⁶². В свою очередь, присяжные поверенные не считали себя обязанными осуществлять по отношению к помощникам какие-либо педагогические или организационные функции (исключением здесь являлся учрежденный среди помощников Ф.Н. Плевако товарищеский суд⁶³).

Абсолютно формальная связь помощников со своими патронами и фактическое отсутствие таковой с органами корпоративного самоуправления, очевидно, снижали степень контроля корпорации над «входом» в профессию. Поэтому уже в 1869 г. Санкт-Петербургский совет принял решение о том, что зачисление в помощники не просто фиксируется, но оформляется решением самого совета, при этом кандидат должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к поступающим в присяжные поверенные за исключением возрастного ценза⁶⁴ (журнал совета 11 декабря 1869 г.)⁶⁵. В округе Московской судебной палаты также намечалась тенденция к установлению корпоративного контроля над приемом в помощники, однако вплоть до 1885 г. данная практика не находила последовательного применения: во многих случаях совет ограничивался внесением в список после заявления присяжного поверенного о принятии к себе в помощники того или иного лица. Даже наиболее близкие к идее сословного патроната «Танеевские» правила (1878) признавали за патроном монопольное право на прием в помощники: «Помощник состоит при отдельном

⁶² Организация помощников присяжных поверенных, установленная Московским Советом // *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 526; *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 223.

⁶³ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 149.

⁶⁴ Присяжным поверенным не могло быть лицо, не достигшее 25 лет. Об этом см.: Учреждение судебных установлений. Ст. 355.

⁶⁵ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 53, 56.

присяжном поверенном. Поэтому принятие его зависит исключительно от того присяжного поверенного, который его и принимает»⁶⁶.

Однако в середине 1880-х гг. в московской корпорации возник прецедент, результатом которого стало расширенное толкование полномочий совета в отношении помощников и частичное урегулирование практики приема на уровне постановлений Правительствующего Сената (решение по делу Бернера, 1885 № 13)⁶⁷. Суть возникшего еще в 1884 г. дела заключалась в том, что московский совет отказался занести в список помощников лицо, принятое присяжным поверенным С.С. Шайкевичем, по причине неблагоприятных сведений о морально-нравственных качествах кандидата. На решение совета Шайкевичем и его «помощником» Б.М. Бернером была подана апелляция в Московскую судебную палату, которая посчитала, что разрешение данного вопроса находится вне рамок ее компетенции, поскольку подобные постановления советов «имеют характер частных домашних распоряжений, подчинение коим не переходит из области нравственного в область законного», т. е. Бернер, даже не будучи зачислен в помощники, остается таковым и не теряет права поступления в корпорацию после отбытия пятилетнего стажа⁶⁸. Такое открытое отрицание палатой прав корпоративного контроля над механизмами воспроизводства профессиональной группы, однако не встретило понимания в Правительствующем Сенате, постановившем, что на отказ советов в приеме по неформальным причинам распространяется действие правил 25 мая 1874 г., предполагающих безапелляционность подобного рода постановлений, независимо от того, вынесены они по делу присяжного поверенного или помощника⁶⁹.

Мысль, высказанная Московской судебной палатой относительно законности административной власти советов по

⁶⁶ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1877-1878. М., 1878. С. 11. Текст также приведен в: *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 528; *Тагер П.С.* Указ. соч. С. 195.

⁶⁷ Полный свод решений... за 1878–1885 гг. Дело № 13 (11.03.1885).

⁶⁸ ЦИАМ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 25 об.–26.

⁶⁹ Полный свод решений... за 1878–1885 гг. Дело № 13 (11.03.1885).

отношению к помощникам, была прямым следствием системы личного патроната и неоднократно воспроизводилась как представителями самой корпорации, так и судебными инстанциями. Те же сомнения обнаруживались и в случае дисциплинарной власти советов над помощниками в условиях личного патроната. Первым значительным конфликтом, возникшем на данной почве, стало дело М.Ф. Люце, помощника присяжного поверенного А.Н. Турчанинова, который в 1870 г. публично отказался признать над собой власть санкт-петербургского совета, за что и был исключен последним из списков помощников. Данное постановление, однако было отменено судебной палатой, и совету пришлось предложить Турчанинову исключить Люце из числа помощников собственным частным решением. Мотивы, которыми руководствовалась санкт-петербургская судебная палата, во многом предвосхищали аргументы последовавшего пятнадцать лет спустя постановления той же судебной инстанции в Москве. По мнению палаты, в Учреждении судебных установлений «нигде не проведена мысль — ни о том, чтобы помощники присяжных поверенных составляли особую корпорацию, тесно связанную и вполне солидарную с сословием присяжных поверенных, ни о том, чтобы помощники входили, как часть целого, в самый состав общества поверенных, из чего и следует заключить... что предположение Совета о безусловном праве его иметь прямой и непосредственный за помощниками поверенных надзор и обязанности помощников подчиняться, наравне с присяжными поверенными, контролирующей и дисциплинарной власти Совета, не имеет твердой точки опоры в действующем законе...»⁷⁰.

Прецедент, созданный делом М.Ф. Люце, побудил санкт-петербургскую адвокатуру поставить на повестку дня вопрос о замене личной формы патрона корпоративной, причем установление «непосредственных отношений» между помощниками и советом обосновывалось тем, что «доверие к помощникам присяжных поверенных, распространяющиеся постепенно в среде нашего общества, основано, между прочим, именно на том предположении, что помощники, как и присяжные поверенные, составляют корпорацию, ответ-

⁷⁰ Макалинский П.В. Указ. соч. С. 80–81.

ственную перед советом» (журнал совета 9.11.1871)⁷¹. Представление о помощниках как об отдельной корпорации и идея установления корпоративного патроната в результате обрели свое выражение в образовании из представителей помощников выборной и действующей на постоянной основе Комиссии⁷², чьей основной функцией должно было стать информационное обеспечение решений совета относительно зачисления в помощники и последующего приема непосредственно в присяжные поверенные. Образованную в 1872 г. Комиссию пять лет спустя дополнили юридические конференции, направленные на разрешение практических вопросов, встречающихся в самостоятельной судебной практике помощников⁷³.

В 1874 и 1881 гг. Комиссия предприняла ряд попыток расширить свои полномочия при приеме в помощники и придать своим постановлениям в этой области окончательный, неверяемый советом, характер. Опираясь на утверждения о том, что она возникла как «установление, представляющее собой интересы сословия помощников присяжных поверенных» (1874), Комиссия утверждала свой статус органа корпоративного самоуправления помощников, действующий «по отношению к ним на тех же основаниях и по тем же правилам, как Совет по отношению к присяжным поверенным» (1881)⁷⁴. Оба «демарша» были нейтрализованы со стороны санкт-петербургского совета, вновь взявшего в 1874 г. на вооружения аргументы, рассматривавшие помощников в рамках системы личного патроната. Комиссия, с этой точки зрения, интерпретировалась как «частное» собрание уполномоченных, не устраняющее подчинение помощников совету через посредство присяжных поверенных.

В 1881 г. в ответ на заявление Комиссией своих претензий на статус равного ему органа самоуправления совет еще более

⁷¹ Там же. С. 107.

⁷² Дореволюционные историки адвокатуры утверждали, что возникновение Комиссии было исключительно результатом самоорганизации помощников, отреагировавших таким образом на исход дела Люце. Об этом см.: *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 253.

⁷³ Там же. С. 176.

⁷⁴ *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 70–71.

последовательно стал проводить линию, ориентированную на личный патронат и отказ от интерпретации помощников в качестве корпоративного целого. «Помощники не образуют из себя самостоятельно пополняющегося сословия, — сказано в журнале заседаний совета за восьмое апреля 1881 г., — а представляют собой лишь группу лиц, принимаемых присяжными поверенными к себе для занятий и примыкающих таким образом, через посредство своих патронов, к сословию присяжных поверенных, как контингент для пополнения этого сословия, и что поэтому о существовании у помощников присяжных поверенных такого органа самоуправления, который контролировал бы правильность зачисления присяжными поверенными к себе помощников и имел бы право воспретить присяжным поверенным принимать то или другое лицо в число своих помощников и тем преграждать последним возможность вступления этим путем в корпорацию присяжных поверенных, конечно, не может быть и речи...»⁷⁵. Таким образом, совет, вопреки своему мнению 1871 г., утверждал приоритетность права присяжного поверенного на принятие к себе в помощники того или иного лица, лежащую в основе идеи личного патроната.

В отличие от Санкт-Петербургского совета, изменявшего на протяжении 1870-х гг. в зависимости от складывающейся ситуации свою точку зрения на статус института помощничества, Московский совет никогда не признавал за помощниками права на «учреждение и организацию отдельного самостоятельного общества», обладающего корпоративной организацией⁷⁶. С точки зрения руководителей Московской корпорации, организация помощников должна была иметь вид неформального «кружка», где молодые люди, получившие образование и знакомые между собой, могли бы «следить друг за другом в лучшем смысле этого слова, предупреждая друг друга от дурных поступков», ведь, «сознавая свою принадлежность к кружку, в котором всегда существует общественное мнение, каждый воздерживается от поступков, нарушающих

⁷⁵ Там же. С. 71–72.

⁷⁶ Организация помощников присяжных поверенных, установленная Московским Советом // *Макалинский П.В.* Указ. соч. С. 529.

адвокатское и человеческое достоинство»⁷⁷. Руководствуясь этими представлениями, создатели упомянутых выше «Танеевских правил» 1878 г., хотя и санкционировали работу Комитета помощников и групповые занятия, аналогичные Санкт-Петербургским конференциям, не ставили под сомнение базовый элемент личного патрона — причисление помощника к определенному присяжному поверенному. Об этом свидетельствует не только сохранение самой процедуры «приписки к патрону», но и обязанность присяжных поверенных предоставлять в совет отчеты своих помощников, обязательное для помощников условие иметь место жительства в том же городе, что и патрон, отчисление помощников от присяжных поверенных, которым временно воспрещалась адвокатская практика⁷⁸.

В 1883—1885 гг. в Санкт-Петербургской корпорации было продолжено обсуждение вопроса реорганизации института помощников, в процессе которого совет обосновал необходимость ограничения их самостоятельной деятельности. Возвращаясь к непосредственному толкованию 354 ст. Учреждения судебных уставов и интерпретации помощника в качестве личного секретаря присяжного поверенного, совет стремился, таким образом, найти легитимную основу для распространения своей административной и дисциплинарной власти в среде помощников. Сосредоточение деятельности помощников «в круге дел» патронов создавало ситуацию, когда «всякое упущение или неправильное их действие» касалось бы дел присяжных поверенных, затрагивало бы «интересы и нравственную репутацию» патронов, а следовательно, и «интересы всей корпорации», давая совету возможность применять свою власть в установленных законом рамках.

Распространение внутрикорпоративной власти на помощников присяжных поверенных предполагало ре-интерпретацию их группового статуса. Помощники уже не могли рассматриваться ни как отдельная корпорация, ни как примыкающий к сословию контингент частных лиц. «Совет является законным представителем присяжной адвокатуры. Поэтому, если по-

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Тагер П.С.* Указ. соч. С. 194—195.

мощники должны составлять часть, хотя и неполноправную, этого целого, то совершенно естественно, чтобы законный представитель присяжных поверенных был вместе и законным представителем помощников присяжных поверенных», — говорилось в проекте специальной комиссии по реорганизации помощничества (1884). — С другой стороны, нет никакого основания, чтобы Совет, контролирующий действия присяжных поверенных, не простирал своего контроля на действия помощников. Обособление в этом отношении помощников присяжных поверенных было бы вредно как потому, что до известной степени парализовало бы слияние присяжных поверенных и помощников в одно целое, так и потому, что мешало бы образованию единых корпоративных традиций»⁷⁹. Таким образом, помощники должны были раствориться как отдельная группа в общем корпоративном целом, потеряв не только самостоятельный групповой статус, но и индивидуальное право на независимую от патронов адвокатскую практику.

Наиболее последовательным выражением приведенной выше позиции стал проект правил о помощниках присяжных поверенных, предложенный 4 февраля 1890 г. на обсуждение общему собранию Санкт-Петербургской корпорации. После бурных дебатов проект не был принят, однако, отвергнутый общим собранием присяжных поверенных Санкт-Петербурга, он был проведен в жизнь административным решением московского совета и обрел форму так называемых «Правил 3 марта», одного из самых одиозных документов во всей истории развития института присяжной адвокатуры. Суть «Правил» заключалась в последовательном проведении начал личного патроната, предполагающего запрет самостоятельной практики помощников, ходатайство только по делам патрона по передоверию, обязательную приписку к практикующему адвокату (причем число помощников у каждого присяжного поверенного было ограничено до одного стажера), непосредственное подчинение совету и ликвидацию Комитета и групп помощников⁸⁰.

⁷⁹ Макалинский П. В. Указ. соч. С. 117.

⁸⁰ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1889—1890. М., 1890. С. 7—8.

Доводы московского совета в поддержку принятых правил сводились к тому, что «организация сословия помощников и патронат сословия оказались бессильными в деле подготовки членов корпорации присяжных поверенных в такой же мере, как и те мероприятия Совета, которые требовали личного надзора присяжных поверенных за их помощниками». Причину этого представители совета видели в «ложном взгляде на помощников, как на особое подготовительное сословие», который удалял стажеров от их «естественных руководителей»⁸¹. Более того в разъяснениях к «Правилам» отмечалось, что «звание помощника присяжного поверенного не есть открытое для всех дипломированных юношей», для его получения прежде всего «нужно иметь присяжного поверенного, которых нуждался бы в сотруднике, в помощнике; нужно, чтобы был запрос на его труд»⁸². Таким образом, поступление в корпорацию в качестве помощника переставало быть исключительно индивидуальным решением лица, обладающего образовательным цензом, а ставилось в зависимость от «спроса» представителей сословия на его услуги как стажера.

Введение «Правил 3 марта» вызвало огромный резонанс в среде московской корпорации: в совет были поданы ряд петиций как в поддержку принятой меры («Письмо 98-ми»), так и с заявлениями о ее потенциальном негативном влиянии на развитие сословия («Письмо 48-ми») ⁸³. Отчисление помощников на основании вновь вводимых правил вызвало волну протестов и апелляций, результатом которых стала отмена решением Правительствующего Сената (4 мая 1890 г.) наиболее радикальных положений новой организации помощников: запрета самостоятельной практики и ограничения числа стажеров, приписанных к одному присяжному поверенному. Отменив «наиболее крайние выводы основного начала» личного патрона, Правительствующий Сенат, однако, не стал входить в обсуждение самого базового принципа, вызвавшего возникновение «Правил 3 марта»⁸⁴. В результате перед московской,

⁸¹ Там же. С. 14.

⁸² Там же. С. 21.

⁸³ *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 200–201.

⁸⁴ Там же. С. 202.

так же как и перед Санкт-Петербургской, корпорацией вновь встала проблема организации механизма воспроизводства группы исключительно на основании средств и ресурсов, предоставляемых внутрикорпоративной властью.

На протяжении второй половины 1890–1900-х гг. деятельность обоих столичных советов в области организации помощников была направлена на создание паллиативного варианта патроната, сочетающего в себе элементы как личной, так и корпоративной форм. В результате в Москве 2 июня 1900 г. были изданы правила, сохраняющие принцип личного патроната, как имеющий «твердое основание в самом законе», но восстанавливающие обязательные групповые занятия помощников и функции Комитета в качестве органа информационной поддержки решений совета и товарищеского суда⁸⁵. В Санкт-Петербурге заключения Комиссии помощников присяжных поверенных и участие в конференциях стали обязательными условиями при принятии в корпорацию после прохождения сословного стажа, решения относительно принятия в стажеры перестали мотивироваться, что фактически делало их не поверяемыми советом, а следовательно, окончательными⁸⁶. Однако возобновившиеся попытки Комиссии расширить свои полномочия в области дисциплинарной ответственности помощников (Проект правил о дисциплинарном производстве 1909 г.) продолжали блокироваться советом на основании того, что орган корпоративного самоуправления не может делегировать свою власть учреждению, «не предусмотренному законом», и Комиссии не следует «стремиться к установлению самостоятельно-обособленного положения помощников как сословия»⁸⁷.

Очевидно, что использование той или иной модели патроната на протяжении развития адвокатской корпорации обуславливалось не только необходимостью создания вну-

⁸⁵ Отчет о деятельности Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1899–1900. М., 1900. С. 26.

⁸⁶ Сборник правил для помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1907. С. 19; *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 254.

⁸⁷ Отчет Комиссии помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты за 1910 г.: Год 38-й. СПб., 1911. С. 24.

тренних механизмов воспроизводства группы, но и задачами внутрикорпоративной борьбы за распределение властного ресурса и определение символического статуса той промежуточной социальной зоны, которая заполнялась лицами, попадающими в категорию «помощников присяжных поверенных». В отличие от стратегий поведения по отношению к «внешним Другим» действия корпоративной элиты, направленные на институциональное и символическое конструирование категории «помощник» как «внутреннего Другого», не отличались последовательностью и в значительной мере зависели от соотношения сил внутри корпорации. Изначальное представление о помощнике как частном лице, состоящем в отношениях патроната с конкретным присяжным поверенным (крайняя форма личного патроната), не устраивало органы корпоративного самоуправления, поскольку снижало степень контроля над прохождением стажа и «входом» в профессию. Для противостояния сложившейся и поддерживаемой апелляциянными инстанциями практике советов была использована идея корпоративного патроната, последовательная реализация которой, правда, оказалась не менее опасной для власти советов, чем система личного патроната.

Идея корпоративного патрона и связанный с ней комплекс представлений о правах помощников на самостоятельную адвокатскую практику и корпоративную организацию оказались «благотворной почвой» для борьбы стажеров за эмансипацию от сословия присяжных поверенных и институционализацию в качестве самостоятельной (полу) профессиональной группы⁸⁸. В данной ситуации возвращение к элементам личного патроната, как реакция советов на претензии представительных органов помощников, являлось стратегией инкорпорирования «Другого», включавшей в себя признание помощников «младшей частью сословия» присяжных поверенных и, соответственно,

⁸⁸ «Корпорация, какой является младшая часть сословия, не может быть лишена в лице своего представителя права голоса и контроля при приеме в свою среду новых членов и что таковое право проистекает из самого существа понятия корпорации и без него вообще не может быть мыслимо сословия, несущего ответственность перед обществом за своих членов» // Отчет Московского Комитета помощников за 1908-1909 г. Цит. по: *Чарыхов Х.М.* Указ. соч. С. 270.

распространение на них административной и дисциплинарной власти советов. Будучи в безопасности после ряда решений палат и Правительствующего Сената (решения 1885, 1890 и 1898 гг.) от крайних форм личного патроната, советы широко использовали элементы данной системы организации стажа для сдерживания устремлений своих «младших» товарищей к независимости и сепаратному социoproфессиональному статусу.

Таким образом, сложившаяся к началу XX в. институциональная и символическая система внешних и внутренних границ профессионального сообщества адвокатов основывалась на дискурсивном и практическом применении критериев наличия образования, нравственного достоинства и корпоративного самоуправления в качестве идентификационных маркеров профессиональной группы. В процессе конструирования и самоопределения в отношении «внешних Других», как само собой разумеющийся, использовался образовательный критерий и критерий морально-нравственного превосходства представителей профессиональной адвокатуры. Последний был тесно связан с заложенной в Судебных Уставах идеей корпоративного самоуправления как гарантии высокого этического уровня «сословия присяжных поверенных». Право на самоорганизацию в рамках самоуправляющихся корпоративных структур, в свою очередь, выступало основанием для проведения демаркационной линии внутри самого «сословия», ставшей необходимой в процессе инкорпорирования в «тело» корпорации института помощничества.

Не обладавшие корпоративным самоуправлением до-реформенные ходатаи, частные поверенные и помощники репрезентировались в профессиональном дискурсе адвокатуры как «механические» (статистические) совокупности частных лиц, не являющиеся «реальными» социальными группами. Таким образом, тесно связанные между собой групповой статус, самоуправление и этичность деятельности образовывали единый дискурсивный комплекс. Истинность утверждений об этическом превосходстве полноправного члена адвокатской корпорации – профессионала – над другими лицами, осуществляющими те же судебные функции, обеспечивалась дискурсивной локализацией морально-нравственного достоинства не в сознании отдельного ин-

дивида, а в «символическом теле» корпорации, «сплоченной тройной связью обычаев и преданий, самоуправления и нравственной солидарности»⁸⁹.

Данная дискурсивная стратегия широко использовалась как во внутрикорпоративной документации (постановлениях советов), так и в публицистических выступлениях лидеров профессиональной корпорации. Ее наиболее ярким и отточенным выражением стало выступление В.Д. Спасовича в 1874 г. на публичном обеде в честь К.К. Арсеньева. «По чувству самосохранения, — говорил мэтр санкт-петербургской адвокатуры, — мы изобрели и возложили на себя вериги самой строгой, самой беспощадной дисциплины, вследствие которой мы, не колеблясь, жертвуем своим вкусом, своими мнениями, своею личной свободой тому, что изречет громада — великий человек. Это подчинение особого рода не физическому человеку, не людям, а началу, себя лично себе же самому с безличной громадской стороны рассматриваемому, есть такая великая и дивная сила, которая способна совершать чудеса и которую ощущаешь только тогда, когда она из нас исходит»⁹⁰.

Корпоративность, таким образом, представлялась надличностной моральной сущностью, являвшей себя в каждом принадлежащем к профессиональной адвокатуре индивиде в форме специфического поведения (соблюдения этического кодекса профессионала), самопонимания и саморепрезентации. Диалектика личного и общественного начал в рамках профессионального проекта дополнялась концепцией «служения», подразумевавшей, что группа берет на себя перед остальным обществом (перед непрофессионалами) ответственность за определенный аспект развития России, в случае адвокатуры — за обеспечение законности⁹¹. Говоря словами М.М. Винавера, как «союз лиц, связанных одной, общей целью, — союз, направленный к тому, чтобы лучше обеспечить достижение этой цели», адвокатура ставила себя, «именно как носителя этой цели, под общественный контроль»⁹².

⁸⁹ *Арсеньев К.К.* Указ. соч. Ч. 1. С. 11.

⁹⁰ *Спасович В.Д.* Указ. соч. С. 86.

⁹¹ *Balzer H.D.* Op. cit. P. 16.

⁹² *Винавер М.М.* Очерки об адвокатуре. СПб.: Тип. М.М. Стасюлеви-ча, 1902. С. 36.

Формирование «корпуса» профессиональных адвокатов как символического «тела» корпорации, элементы которого «сочленились» (В.Д. Спасович) общим чувством профессионального достоинства, общественного служения и ответственности за правильное отправление правосудия, представляло собой генезис на основе описанного выше набора эксклюзивных и инкорпорирующих практик нового типа групповой идентификации. Заложенные в основу данного типа идентификации 1) механизмы создания внутрикорпоративной солидарности на основе горизонтальных эгалитарных связей, 2) элементы культуры политического участия, существовавшей внутри сословия (корпоративное самоуправление), а также 3) модель индивидуального и коллективного поведения, легитимируемая идеалом служения общественному благу, позволяют интерпретировать его в терминах гражданственности и гражданской идентичности.

Формирование в рамках профессионального проекта присяжной адвокатуры гражданского типа идентификации свидетельствует о тесной взаимосвязи процессов профессионализации и становления гражданского общества в России во второй половине XIX – начале XX в. Эгалитаристские принципы самоорганизации, культура участия и ориентация на ценности общественного служения позволяют расценивать профессиональную корпорацию присяжных поверенных в качестве структурного элемента гражданского общества, возникающего в процессе социальной модернизации Российской империи.